

НУРЕМАН Джумаев — автор многих пьес. Большой популярностью пользуется спектакль «Золотая звезда», поставленный по его пьесе. В центре спектакля — образ туркменского солдата Тахирова, героически отдавшего жизнь за Родину. В дни семинара Н. Джумаев заканчивал работу над комедией «Лекарство от любви».

Н. Джумаев известен и как романист. Предлагаем отрывок из его нового романа «Провинция», в основу которого положены революционные события, развернувшиеся в городе Керки и его окрестностях в 1921—1925 годах. Автор рисует широкую картину острой и сложной классовой борьбы. В нем рассказывается о том, как царизм поддерживал в Средней Азии жестокий феодальный произвол, выполняя роль жандарма, помогая подавлять революционные выступления народа.

— Начальник довольно потирает руки, прохаживается.

— В одном ауле ты продолжил дорогу в светлое будущее. Теперь задача поголовного обеднячивания баев и зажиточных во всех аулах. Позови работников, я произнесу речь.

Долговязый уходит и возвращается в сопровождении нескольких человек. Все в кепках.

— Товарищи! — обращается к ним начальник. — Надо ускорить обеднячивание и обнищание. Кто против этого — тот классовый враг. Я получил доклад, что среди нас имеются верующие. Религия — опиум. Отравленный религией — не наш человек. И все жены служащих должны быть отпущены на свободу! Долой старые обычаи!

Входит солидный мужчина в карачулевой шапке.

— Я представитель правительства, — внушительно заявляет он. — Ты, — тычет он пальцем в съжившегося начальника, — творишь беззаконие!

Представитель правительства читает «Инструкцию». Начальника с позором изгоняют. На этом спектакль кончается.

— Товарищу шуту есть вопрос! — вскочил с места Хайдар-волонос. — Имя начальника забыли назвать. Как его имя?

— Таких начальников не один и не два. Мы создали условный образ, — объяснил Хемраев.

— Ты, сынок, не лги при народе, — заговорил один из стариков. — Не хуже тебя отличаем правду, мы знаем. Союна, сына Сулеймана. Когда клеветники вроде тебя были прихвостнями эмира, Союз делал революцию.

— Яшули, вы не поняли, — растерялся Хемраев. — Мы не задеваем товарища Сулеймана. Я сам много лет состою в рядах революционеров! — И чтобы поскорее избавиться от спорщика, объявил второй номер представления.

Зулейха вышла на сцену, стараясь ступать тверже и голову держать высоко. Ситцевое платьишко едва прикрывало колени.

— Меч революции обрушился на старые обычаи! — начала она звонким голосом. — Но джадиды — прихвостни богачей-толстосумов — пытаются соединить разорванные цепи рабства. Для них женщины — домашние рабыни...

Ухмылка поползла по лицам. Перешептываясь, показывая друг другу на колени под коротким платьищем...

— Вы привыкли, чтобы женщины подчинялись вам. Чтобы их жизнь прошла во мраке и раблении. Но содрогнитесь, силы тьмы! Свобода победит!

Кто-то причмокнул. В толпе захихикали.

Зулейха словно оглохла. Казалось, что-то огромное, ватное капится по двору и все звуки вязнут и затихают. И вдруг она услышала:

— Чему смеетесь?

— Молодец, доченька! — весело крикнул бородатый дехканин.

Важно поднялся Хемраев.

— Вот, братя, как выглядит девушка, которая, потеряв стыд, наслаждается свободой!

Зулейха вскинула голову:

— Да, я наслаждаюсь свободой! И нет ничего слаще свободы.

Двор взорвался хохотом. Такого потешного представления никогда еще не было! Хезрет видел, как глаза Зулейхи наполняются слезами. Он выхватил винтовку из рук Хайдара и выстрелил в воздух.

Во дворе разом смолкло. Хезрет взобрался на сцену.

— Люди, зря вы смеетесь! Разве не знаете, что ее отец Нияз-дарга пожертвовал жизнью ради вас? И она борется за свободу. Говорит от чистого сердца. Вы же хихикаете... Не цените искренних слов!

Тишина придавила двор... Зулейха чувствовала, если бы увидела со сцены, то расплачется, как девочка.

Соб. Купец. Бюро, 1982, 11 апр.

ПРОВИНЦИЯ

— ШУТЫ! Лицедеи приехали! Будет представление! — кричал глашатай.

Широкая веранда была прикрита занавесью.

— Дехкане! — обратился Бехбит-палван к собравшимся. — Чтобы нас агитировать, прибыли горожане. Их руководитель Якуп Хемраев хочет сказать слово.

За занавесью загремели барабаны, несколько голосов грянули революционную песню:

На врага вперед, вперед,

вперед.

Всеюрокская революция,

на бой зовет!..

Раздвинув занавес, бодро вышел Хемраев.

— Братя! Соотечественники! — крикнул он и, взмахнув рукой, выпятил тощую грудь. — Трон гнета и невежества мы утопили в реке крови! Лучезарно светит светильник свободы. Белый падишах натравливал род на род, племя на племя, разжигал национальную рознь. Говоря одному — ты узбек, другому — ты туркмен, третьему — ты казах, великую нацию пытался разделить на мелкие племена. Разве между узбеком и туркменом есть заметная разница? Все мы люди одной крови, у нас единый язык, одна религия. И мы говорим: тот, кто разобщает людей, разделяет единый тюркский народ, — тот наш заклятый враг! Наш первый клич — да здравствует республика великий Туркестан!

На сцену вышли знаменосцы.

— Да здравствует великий Туркестан! Да здравствует светоч Востока — свободный Туркестан! — выкрикивали они, размахивая флагом Бухарской республики.

— Наш второй клич — единство! — продолжал Хемраев.

— Мы уничтожили классовых врагов, и теперь надо восстановить хозяйство, встать на путь благополучия. Между нами нет классового деления, все мы свободны. Кто трудится, сеет, скот пасет, торгует, промышленность развивает — тому благодарности! Прошло время болтунов-политиканов, сеющих в народе разногласие. Единство! Еще раз единство!

— Единство народа! — кричал хор безусых знаменосцев.

— И третий наш клич — шарият! Деспот-эмир, искажая шарият, угнетал народ. Чинovníки, вопреки шарияту, развратничали, не признавали законов. Тому, кто нарушает священный шарият, нет места среди нас! Уважать честь семьи, вековые обычаи народа!

— Шарият! Шарият! — гогосили юноши с флагами.

— Преданные, этим идеям люди заслужат уважение и доверие народа. Отдадим на выборах им свои голоса! А сейчас, мы покажем представление. Отрывок из жизни!

Занавес раздвинулся. Человек, сядящий за столом, снял кепку, почесал в лохматой голове:

— Кятип, иди сюда!

Бошел стриженный человек и отдал честь.

— Отвечай: какой национальности?

— Гаркын.

— Национальность подходящая. Однако твое социальное происхождение вызывает сомнения. Твой отец лавку держал?

Стриженная голова задергалась.

— Лавочку моего отца отобрал эмир. А его самого повесил. Революционером был мой покойный отец.

— Имел лавку — значит, богат! Ты чуждый элемент. Снимаю с работы.

— Сжался, товарищ начальник! У меня большая семья.

— Ты не коммунист. Сладкие уста своей жены прячешь под язмаком. И намаз, говоря, совершаешь.

— Я отрекся от веры отцов и жену, оголив до колен, поновому одену.

Начальник грозно топает ногой.

— Вот классовый враг!

Несчастный кятип, пошатываясь, уходит. Вид его жалок.

— Классового врага, словно вшей и блох, нужно давить беспощадно! — провозглашает начальник.

Появляется долговязый мужчина с усами и бородой.

— Я к вам, товарищ начальник.

— Выполнил поручение?

— Население одного аула поголовно приведено в состояние бедности. Ни одного зажиточного хозяйства не оставили!

— Очень хорошо! Молодец!